

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Научная статья

УДК 002.2

Российская печатная книга, книжная и библиографическая культура на современном этапе

Константин Михайлович Сухоруков*Российская книжная палата, Москва, Россия,
a-bibliograf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6109-1300>*

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию печатной книги, книжной культуры и библиографии как категорий «всеобщего», «особенного» и «единичного» с точки зрения теории и практики современного отечественного книжного дела.

Ключевые слова: Россия, книжное дело, книжная культура, книговедение, библиография, взаимосвязи, коммуникации, терминология

DISCUSSIONS AND SPECULATIONS

Original article

Russian printed book, book culture and bibliographic culture at the contemporary stage

Konstantin M. Sukhorukov*Russian Book Chamber, Moscow, Russia, a-bibliograf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6109-1300>*

Abstract. The article is devoted to the interactions between printed book, book culture and bibliography as categories of “general”, “special” and “single” ones from the point of view of theory and practice of modern Russian book business.

Keywords: Russia, book business, book culture, bibliology, bibliography, interactions, communications, terminology

Становление информационного общества, стремительное развитие информационных технологий сопровождаются активизацией работ в области теории информации и использования в различных научных дисциплинах информационного подхода. В первую очередь это касается документоведения и библиографии — научных направлений, рассматривающих закономерности возникновения и развития различ-

К. М. Сухоруков

ных носителей информации. Не отрицает принадлежности книги к классу явлений, имеющих более общее название «документ», и современное книговедение.

Помимо сближения теоретических позиций этих наук, на фоне роста числа носителей информации, унификации их структуры, формы и внешнего вида

происходит стирание внешних различий между книгой (особенно электронной) и оперативным документом.

Такое взаимопроникновение усиливает теоретическое сближение доку-

ментоведения и книговедения [1]. На наш взгляд, все предпринимавшиеся до сего времени попытки сравнения книги и других видов документов происходило лишь путем сопоставления их функций. Вместе с тем, полифункциональность как книги, так и большинства прочих документов делает подобное сопоставление весьма неэффективным. Отсутствие чётких границ между данными понятиями приводит к возрастающим трудностям при государственном регулировании информационных процессов в обществе. Поэтому более чёткое разграничение двух понятий необходимо с точки зрения и теории, и практики.

Главное различие между документом и книгой заключается в специфике их сущностной природы. Основу любого документа составляет информация, и его сущность всегда сводится к её фиксации, хранению, передаче и распространению. Книга же может существовать только в поле книжной культуры, что, с одной стороны, сужает её информационный потенциал по сравнению с документом; а с другой — обогащает книгу только ей присущими функциями орудия и средства общения и саморазвития человечества на основе профессионального и личностного взаимодействия посредством рукописных, печатных и электронных текстов. Книга и заключённое в ней знание — это мощный рычаг «окультуривания» человека. При этом предметная форма существования книги находится в постоянном движении вместе с человеком, который — как мыслящее существо — должен постоянно развиваться. «Книга как явление и памятник культуры — это и потребитель достижений науки, культуры и образования, но книга при этом и барометр культуры общества, его духовности...» [2].

Очевидно, что процесс изучения культуры вообще, а книжной в частности с неизбежностью должен подчи-

няться, по крайней мере, некоторым общим закономерностям, одна из которых состоит в том, что формирование методологических оснований любой научной дисциплины осуществляется не непосредственно, т. е. с помощью простого заимствования и переноса, а путём выборки и последующей адаптации идей, выработанных в философском анализе, к потребностям определённой области научного познания, что приводит к конкретизации исходных философских идей, их уточнению, возникновению новых категориальных смыслов, которые после вторичной рефлексии эксплицируются как новое содержание философских категорий. Весь этот комплекс исследований на стыке между философией и конкретной наукой осуществляется совместно философами и учёными-специалистами в данной науке.

Эвристическое значение классификации «материализм — идеализм» применительно к выявлению и анализу концептуальных оснований исследования культуры как раз в том и состоит, что именно на её основе появляется возможность логического восхождения от абстрактного к более конкретному уровню выявления таких оснований.

Ясно, что сказанное особенно актуально именно для книжной культуры, которая опровергает многие устоявшиеся стереотипы в оценках и определениях культуры вообще. Среди таковых дифференциация культуры на культуру материальную и культуру духовную — самая, казалось бы, очевидная исследовательская процедура. Совершенно не случайно, что такой способ представления её основных форм, или видов, не просто широко распространён в литературе, но и считается чуть ли не само собой разумеющимся, правда, с теми или иными оговорками и уточнениями. Нетрудно, однако, понять, что такой подход не может быть признан достаточно корректным ни с исто-

рической, ни с методологической точки зрения.

Если культура как таковая по своим сущностным компонентам, или «базисным элементам», рассматривается как единство материального и духовного, то, следовательно, и всякое её проявление также должно быть понято как тот или иной вид, или форма этого самого единства. Каждый вид, каждая форма культуры должны быть поняты как отличающиеся от другого не образующими их базисными, сущностными компонентами, но лишь различными способами соотношения, сочетаниями тех же самых компонентов. Если же они фиксируются как отличающиеся друг от друга своими составляющими сущностными компонентами, то о них, естественно, совершенно невозможно, если быть последовательным, вести речь как о видах или формах одной и той же сущности. «Сами “материальные элементы” культуры лишь постольку могут быть отнесены к культуре, поскольку являются предметным воплощением социально значимой творческой деятельности человека или, что то же самое, духовного богатства человечества» [3].

«Материальное в духовном, духовное в материальном» — такова, на наш взгляд, сущность любой культуры, а прежде всего — книжной.

Внутренним содержанием «субъект-объектного» отношения является постоянное возникновение и разрешение внутреннего противоречия между заключёнными в нём противоположными сторонами — субъектом и объектом. Возникновение и разрешение этого противоречия является собственным источником становления и развития деятельности как целостной системы. Причём, поскольку «субъект» и «объект» являются именно противоположностями, а не «действительными крайностями», они «требуют» какого-никакого, но всё-таки опосредования друг

относительно друга, в котором присущее им противоречие, разрешаясь или «снимаясь», воспроизводится вновь и вновь, но каждый раз уже на новом уровне, образуя тем самым сменяющие друг друга и расширяющие свое собственное основание циклы человеческой деятельности.

Культура, по мнению Ю. М. Лотмана, «есть антиэнтропийный механизм человечества», «устройство, вырабатывающее информацию» [4]. Основываясь на общеизвестном факте, что энтропия — не что иное, как мера хаоса, неупорядоченности, иными словами — величина, обратная количеству информации, можно лишь несколько развить и уточнить данный тезис: культура есть механизм выработки, накопления, сохранения и передачи информации, а потому развитие её напрямую коррелирует с развитием информационных технологий.

Современные информационные возможности формируют совершенно новые, ранее не имевшие аналогов, группы текстов. Из определения культуры как антиэнтропийного механизма человечества логически следует вывод о возникновении новых форм в искусстве (в том числе и в искусстве слова) по мере развития информационных технологий.

Исходя из предложенной выше характеристики культуры, средства массовой коммуникации можно оценить исключительно как механизм передачи информации, минимально влияющий на художественное произведение как таковое.

Гораздо больший интерес в этом смысле вызывает развитие носителей информации, представляющих собой средства её накопления, сохранения, да и распространения тоже — через возможности тиражирования. Говоря об открывшихся в XX в. возможностях сохранения и передачи эстетической информации, прежде всего

следует иметь в виду средства фиксации и тиражирования звука и, с некоторыми оговорками, изображения, особенно подвижного, а также их совмещение, иными словами — аудио- и видеозапись. С такой же необходимостью, с какой некогда письменность вызвала к жизни литературу, возможность сохранять произведения словесного творчества в звучащей форме привела к возникновению новых, ориентированных именно на такой способ бытования типов художественных текстов — медиатекстов.

Вследствие этого возникает потребность в осмыслении комплекса проблем. Рассмотрим некоторые из них, а именно: соотношение звучащего слова и письменности; значение смены информационных технологий в истории культуры; культурные и эстетические последствия информационного взрыва, имевшего место в XX в.

В конечном итоге новые информационные технологии неизменно расширяют возможности тиражирования как знаний, так и произведений искусства, и — соответственно — круг потенциальных пользователей.

Различные виды искусства (отнесём сюда и литературу, вопреки её традиционной «отдельности») не равны друг другу в плане возможностей тиражирования их произведений. Рассуждая схематично, можно выстроить такую цепочку, актуальную практически для любого произведения искусства, включая книгу: творческий акт — носитель информации — акт восприятия. Центральный элемент этой цепочки вроде бы носит вспомогательный, или точнее — посреднический характер, однако именно он может служить основанием для классификации произведений искусства с точки зрения возможности их адекватного тиражирования.

В этом отношении все виды и, соответственно, произведения искусства

подразделяются на две основные группы: распространяемые на неотчуждаемых и на отчуждаемых носителях.

К первой группе относятся пластические или «пространственные» искусства: скульптура и архитектура, существующие не столько на носителе, сколько в материале, а также изобразительное искусство, произведения которого изначально не существуют вне доски, холста, листа бумаги и т. п. В этих случаях возможность адекватного воспроизведения наиболее проблематична, хотя современный уровень репродуцирования живописи уже близок к тому, чтобы многие проблемы решить. Серьёзные перспективы в этом отношении открывает и мультимедийная техника. Да и в традиционном искусстве не всё так уж однозначно. Поддаётся тиражированию гравюра и даже — разумеется, в меньших масштабах — бронзовая скульптура. И вообще: древнегреческая скульптура, изначально бронзовая, была в полном смысле слова растиражирована в мраморных (т. е. по условию неадекватных) римских копиях, а мы сейчас, не испытывая ни малейшего дискомфорта, воспринимаем и даже изучаем её именно по этим копиям. Так что здесь, по-видимому, далеко не последнюю роль играет психологический фактор, вопрос договорённости.

Совсем иная картина складывается с литературой, которая может существовать исключительно на отчуждаемых носителях. Литературное произведение по определению не равно зафиксированному тексту. Зафиксирован он в рукописи, в печатном или электронном издании, в аудиозаписи — всё едино.

Абсолютизируя презентацию художественного текста на бумаге, мы рискуем уподобиться гоголевскому лакею, которому нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение (Гоголь Н. В. Мертвые души).

Иными словами, не только Пушкин («...но можно рукопись продать»),

но, как минимум, и Гоголь ясно видели неравенство книги как объекта чтения и её содержания как предмета понимания.

Здесь необходимо сделать одну существенную оговорку. Посягать на освящённый тысячами авторитет рукописной или печатной книги было бы не только глупо, но и преступно. Однако не следует и попираť ногами иные средства распространения литературных произведений. В наше время с каждым днём становится всё более очевидным, что эти средства множатся и будут множиться, нравятся это кому-то или нет.

Сегодня российское книговедение пока ещё скорее живо, чем мёртво. Оно характеризуется поиском новой методологии познания, переосмыслением понятий, концепций и теорий, разработанных в XX в. Наиболее интенсивно этот процесс происходит в сфере историко-книговедческого знания, где предпринимаются удачные попытки взглянуть на книгу и книжное дело с точки зрения культурологии.

Что такое «книжная культура», и как она соотносится с терминологией отечественного книговедения? Среди учёных отсутствует единое мнение по этому вопросу. В. В. Добровольский отмечает, что данный термин «широко используется в научной и практической деятельности, в повседневном обороте. <...> Под книжной культурой понимается очень многое: степень осознания роли книги на той или иной исторической стадии развития всего человеческого сообщества, национально-государственного образования, этнической общности; индивидуальная или групповая культура чтения, психология восприятия книжного текста; уровень профессионализма в создании книги; воспроизводство книжных традиций и т. д. и т. п.» [5].

Дискуссионность термина «книжная культура» отмечал также профессор

В. И. Васильев, директор Научного центра исследований истории книжной культуры. В своих многочисленных публикациях по данной проблеме он рассматривал книжную культуру в системе функционирования культуры как составляющую культурного потенциала общества. В качестве подсистем книжной культуры он выделял: а) культуру распространения книги в обществе; б) культуру книги (издательская культура, искусство книги, типографское искусство, искусство художественного переплёта); в) культуру чтения [6].

В. И. Гульчинский считает книжной культурой «исторически обусловленную общественную деятельность по созданию, распространению, потреблению, хранению книги и других носителей информации» [7].

Дискуссионность проблемы объективна и объясняется неопределённостью исходных терминов «книга» и «культура». Различные, порой диаметрально противоположные взгляды отразились в содержании ГОСТов, в учебных пособиях и научных публикациях.

Широкий подход предложил И. Е. Баренбаум. В его работах книга определяется как «произведение письменности или печати, имеющее любую читаемую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксированную на любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шёлк, доска, бумага, синтетические материалы)» [8]. Книга, по мнению И. Е. Баренбаума, это любой документ, который можно прочитать. Такое определение фактически ставит на первое место письменность как способ фиксирования информации.

Более точное и вполне культуроведческое определение дал А. А. Гречин. Он считал, что книга — «научная категория, отражающая всё реальное и возможное многообразие существую-

щих в обществе произведений, документов и изданий и определяемая в качестве **культурно-исторически** (подчёркнуто нами. — К. С.) формирующегося способа информационного общения в диалектическом единстве её содержания (информации), знаковой (язык, искусство и т. п.) формы и материальной конструкции, носителя (бумажный кодекс, электронная память, дискета и т. п.)» [9].

Соглашаясь с автором данной формулы в том, что только в этом триединстве книга может осуществлять коммуникативную функцию, поскольку становится целью и результатом книжного дела, а также объектом изучения со стороны особой науки — книговедения, отметим всё же следующее.

Трудно согласиться, во-первых, с тем, что книга должна трактоваться как научная категория, будучи продуктом вполне практической деятельности (книжного дела). Во-вторых, приведённое определение относится скорее не к книге, а к публикации вообще (как способу обнародования любых документов и произведений), поскольку книга — всего лишь разновидность публикации, и это подтверждается многообразием ныне существующих видов издательской продукции. Вполне применимый к практике первопечатников термин «книга» для обозначения не только кодексов, но и листовок, брошюр, плакатов и пр., сегодня выглядит анахронизмом при попытке максимального «охвата» уже давно чужой «территории».

В ныне действующем ГОСТе 7.0.60–2020 официально закреплено следующее определение: книга — это книжное издание объёмом свыше 48 страниц. Книжное издание — издание в виде блока скреплённых в корешке листов печатного материала любого формата в обложке или переплёте. Издание — документ, предназначенный для распространения содержащейся в нём ин-

формации, прошедший редакционно-издательскую обработку, самостоятельно оформленный, снабжённый нормативно предписанными выходными сведениями, позволяющими однозначно идентифицировать его в документально-информационной среде [10].

Определений термина «культура» существует множество. Ни одно из них сегодня не может считаться универсальным. В 1970-е — 1980-е гг. получил широкое распространение технологический подход, трактующий культуру как принцип, технологию или контекст любой деятельности. В той или иной интерпретации данный подход представлен в нескольких справочных и энциклопедических изданиях. Например, по «Большой советской энциклопедии», культура — это «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [11]. Также отмечается, что данное понятие используется для характеристики материального и духовного уровня развития специфических сфер деятельности и определённых исторических эпох, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей, наций. Именно этот подход преобладает в трудах и современных исследователей книжной культуры.

В советской науке культура рассматривалась в качестве надстройки к экономическому базису, осмысливалась через диалектику производительных сил и производственных отношений. В последнее десятилетие во многом благодаря развитию прикладных культурологических исследований представление о культуре изменилось. Она мыслится как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и об-

щения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях». Программы содержат ценности, идеалы, нормы, смыслы и другие идеальные объекты, образующие в совокупности и динамике социальный опыт [12].

В одном терминологическом ряду с термином «книжная культура» стоит термин «книжное дело». Среди российских книговедов отсутствует общее мнение по вопросу о его содержании.

Е.Л. Немировский определял «книжное дело» как систему взаимодействующих отраслей культуры и народного хозяйства, связанных с созданием и изготовлением книги, её распространением и использованием. В качестве отраслей, входящих в состав книжного дела, он рассматривал издательское дело, полиграфическое производство, книжную торговлю, библиотечное и библиографическое дело [13].

А.И. Барсук включал в книжное дело редакционно-издательское дело, оформление книги, библиографоведение, статистику печати, библиотечное и книготорговое дело. Е.А. Динерштейн предлагал считать книжным делом только деятельность по производству и распространению книг, ограничив тем самым его издательским делом, книгопечатанием и книжной торговлей.

А.А. Беловицкая предпочитает принципиально иную трактовку: книжное дело — это способ существования, процесс и преходящий промежуточный результат существования книги в обществе [14].

Насколько тесно связан термин «книжная культура» с термином «книжное дело», и можно ли говорить об их вытеснении друг другом? В интерпретации С.А. Пайчадзе термин «книжная культура» более конкретен и требует от исследователя глубокого освоения условий, составляющих контекст производства, распространения и потреб-

ления книги в том или ином государстве или регионе. Сходную позицию занимал В.И. Васильев: «...степень востребованности книжного дела, характеризующая, в частности, его уровень книжная культура, определяют, в свою очередь, уровень культуры общества, его культурный потенциал» [15].

Термин «книжная культура» сложился в книговедческих трудах последних лет, тогда как «книжное дело» является продуктом теоретических дискуссий советского периода, происходивших на стыке системного и деятельностного подходов. Определений книжной культуры в принципе можно дать столько, сколько существует подходов к определению термина «культура». Поэтому соотношение «книжной культуры» и «книжного дела» различно в каждом конкретном случае и зависит от того, какую трактовку культуры избрал учёный для своего исследования.

Книжную культуру можно рассматривать, с одной стороны, как уровень, достигнутый книжным делом в конкретной социокультурной ситуации. Это значение условно ограничивает книжное дело в пространстве и времени, привязывая его к определённой эпохе, периоду, государству, нации, этносу, социальной группе, региону и т. д. Вместе с тем, это скорее не книжная культура, а культура книги, так как исследуются принципы, искусство её производства и потребления на определённом этапе.

С другой стороны, книжная культура предстаёт как воспроизводство смыслов культуры (ценностей, норм, установок и др.) через процессы книжного дела. Данный подход позволяет закрепить за этим термином более широкое значение и требует изучения социальных условий бытования книги, причём не только материальных, экономических, но и духовных. Составляя контекст деятельности (книжного

дела), они определяют её принципы, содержание, общее направление и, в итоге, качество конечного результата.

Ещё одно определение выводит книжную культуру на уровень человеческой жизнедеятельности. В этом случае речь идёт о системе программ надбиологической жизнедеятельности человека (в том числе книжного дела, книжного общения), обеспечивающей воспроизводство и изменение социальных отношений посредством книги.

Кроме того, книжной культурой следует считать исторически конкретное преломление книжного дела в рамках той или иной социокультурной общности (Россия, провинция, Западная Европа, Поволжье, XIX век, период правления Екатерины Второй, дворяне и т. д.). Это система создания, распространения и потребления книги в обществе, сложившаяся в определённых историко-культурных условиях.

Важным признаком любой культуры является её многогранность. Ценности, нормы, обычаи и прочие культурные механизмы любой социальной активности, в том числе связанной с творчеством, коммуникацией и потреблением в книжной сфере, формируются с учётом особенностей историко-культурной среды, которые в свою очередь складываются под влиянием факторов этнического, географического и экономического порядка. Отсюда происходят частные термины «книжная культура столиц», «книжная культура провинции (региона)», «книжная культура страны».

Термин «книжная культура» имеет для книговедения категориальное значение. Категории — наиболее общие понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. Они бывают философскими, имеющими общенаучное значение и частнонаучными.

К философским категориям относят «материю» и «сознание», «простран-

ство» и «время», «явление», «предмет», «причинность», «необходимость» и «случайность», «возможность» и «действительность» и др.

Частнонаучные категории принято подразделять на две группы. Первую группу составляют фундаментальные частнонаучные категории, несущие основную смысловую нагрузку и связанные с концептуальным содержанием науки. Во вторую группу входят производные частнонаучные категории, образованные на основе категорий первой группы. Философские категории являются основой для дефиниций всех частнонаучных категорий. Категория «книжная культура» образована путём слияния философской категории «культура» и фундаментальной частнонаучной категории книговедения «книга».

Любая категория имеет методологическое значение, способна выступать способом познания. Гносеологический статус категорий обусловлен тем, что они по своей сути являются совокупным результатом научной рефлексии, своеобразной теоретической моделью.

Следует разграничивать книжную культуру как методологическую категорию, средство познания и книжную культуру как эмпирический объект познания.

Категория «книжная культура» позволяет рассмотреть книгу не только как деятельность и систему, но и как культурный феномен, факт и фактор культуры. Использование данной категории в книговедческом исследовании выдвигает перед учёными целый ряд методологических требований. Буквально, это взгляд на книгу и книжное дело через призму деятельностного, системного и культурологического подходов одновременно. Он может быть конкретизирован методами (общенаучными и частными), сложившимися в рамках отдельных дисциплин гуманитарного комплекса: историческими,

психологическими, экономическими и др., в зависимости от тех задач, на решение которых нацелено исследование.

Через призму системного подхода книжная культура предстаёт как сложная целостная система, включающая множество элементов и подсистем, тесно взаимосвязанных друг с другом и с окружающим миром. Эвристические возможности системного анализа продемонстрировал В. И. Васильев в целом ряде своих трудов [см. 2]. Системный подход раскрывает историю книжной культуры через эволюцию отдельных элементов книги (переплёт, книжный блок, письменность, шрифт, способ закрепления информации и др.) или в сочетании с деятельностным подходом через эволюцию отдельных видов книжной деятельности.

Таким образом, методологическое содержание категории «книжная культура» достаточно динамично. Оставаясь определённой на уровне философских подходов, она может варьироваться в зависимости от целей конкретного исследования. Предпочтительной представляется не узкая трактовка, которая ограничивает книжную культуру культурой книги и выдвигает на первый план книжное дело. Книжная культура должна пониматься шире и обозначать все конкретно-исторические процессы воспроизводства смыслов культуры через книгу (печатную и рукописную). Только тогда данный термин займёт достойное место в ряду частнонаучных категорий, станет полноценным инструментарием и обязательным атрибутом книговедческих исследований.

Попробуем более подробно рассмотреть закономерности функционирования книжной культуры в рамках общей культуры.

Поскольку культура — порождение деятельности, её основные функции изоморфны основным видам деятельности. В частности, функции предмет-

ной культуры воспроизводят функции предметной деятельности. Чтобы отчётливо их установить, надо представить предметную деятельность в «пространстве» всей деятельности, в структуре её основных видов. Предварительно, разумеется, необходимо представить такую структуру. Вскрыть её так или иначе пытались многие учёные. Наиболее доказательно и развёрнуто сделал это М. С. Каган в книге «Философия культуры» [16]. Изложим кратко ход его рассуждений.

В качестве основания, позволяющего вычленить основные виды деятельности, был принят характер отношения человека, группы людей или общества в целом как субъекта деятельности к её объекту (природе, предметам, людям, событиям). Это отношение при аналитически чистом рассмотрении реализуется только в трёх формах.

Первая из них — преобразование объекта, которое предполагает воздействие на него со стороны субъекта. Вторая — познание, когда активность субъекта развивается в нём самом на основании впечатлений, получаемых от объекта, который остаётся неизменным. Третья форма, также идеальное отношение, — ценностная ориентация, представляющая собой сопоставление объекта с его мысленной мерой, идеалом, содержащимся в сознании субъекта, определение значимости объекта для индивида или общества. Иных субъектно-объектных отношений в принципе быть не может. Но существует ещё отношение двух субъектов, взаимодействующих как равноправные активные единицы посредством носителей информации, — общение.

Если взаимодействие и взаимопомощь выделенных в аналитически чистом виде форм деятельности в тех или иных пропорциях имеют место всегда, то в такой специфически человеческой форме активности, как художественная деятельность, их органи-

ческий синтез является сущностной чертой, определяющей эту деятельность. В её продукте — произведениях искусства — познавательный и оценочный моменты, сливаясь, образуют духовное содержание, а преобразовательный и знаковый моменты образуют материальное тело.

Возвращаясь теперь к вопросу об исходных началах книжного творчества, можно заключить, что выдвигание в качестве второго полярного начала эстетического не выявляет специфики какой-либо сферы деятельности, ибо осознанное или неосознанное стремление к красоте имеет место в большинстве сфер человеческой деятельности.

Необходимо обратить внимание и на саму книгу как явление культуры. Все сферы созидательной активности человека являются в той или иной степени бифункциональными, а соотношение практического и художественного начал может служить сущностным основанием для выделения её типов.

Основным объектом нашего рассмотрения являются обобщённый опыт и особенности создания предметов на каждом историческом этапе. Созданные людьми предметы — вещи (в том числе издательская продукция) вызывают к жизни необходимостью взаимодействия со средой, выполнения внешних функций — назначения. Последнее слово очень точно отражает заданность этих функций, объективно складывающихся в обществе. В соответствии с ними формируется идея вещи, её сердцевина: принцип действия и структура, которые определяют тип вещи и материализуются, предстают перед нами в её конкретной форме — облике. Таким образом, любая вещь имеет две функции (или группы функций): внешнюю (назначение) и внутреннюю (принцип действия) и две формы: внутреннюю (структуру) и внешнюю (облик).

Резюмируя сказанное, отметим, что книга — это культурное и цивилизационное явление, как слово и его оформление. Чтобы рассмотреть это двуединство, следует определить, что собой исторически представляют понятия «культура» и «цивилизация».

Культура — это явление личное; цивилизация — общественное.

Можно понимать культуру в смысле действенного уважения достоинства человека и ценности его жизни. Этот смысл выражается в непосредственном отношении к другому человеку через слово и почитание (можно предположить, что почитание было основным средством коммуникации между первобытными людьми до появления членораздельной речи), а также в опосредованном отношении через основные элементы культуры — литературу, различные виды искусства и науку.

Цивилизацию можно трактовать как совокупность материальных достижений, а также как политическую систему, служащую целям экономики и связанной с ней необходимостью безопасности. Культура пребывает при разных формах выражения достоинства человека, цивилизация же меняется. Уровень цивилизации можно измерить, например, количеством книг, изданных в определённом десятилетии. Культура будет характеризоваться глубиной влияния этих книг на человека и общество. Не количество конкретных достижений определяет уровень развития культуры, а качество отношения людей друг к другу в её границах. Схематически различия между культурой и цивилизацией таковы.

Культура	Цивилизация
Достоинство человека: уважение к нему — слово, литература, искусство	Технология: материальные достижения
Социальная основа — обычаи	Социальная основа — политическая система, право

Основные различия между печатными и электронными формами публикации книжного издания заключаются в следующем. Если бы процесс отражения произведения ограничивался только копированием (размножением) текста произведения, то вопрос о сущности понятия «книга» решался бы однозначно: книга (любая — рукописная, печатная, электронная) есть копия произведения литературы, музыки, изобразительного искусства, которая в книжном деле существует в форме книжного издания. Но в этом случае процесс развития литературы, музыки и изобразительного искусства сводился бы лишь к количественному накоплению копий текстов произведений, а процесс развития книги — к количественному накоплению книжных изданий. Всё это противоречило бы развитию социальной информации в коммуникационных системах.

Сущность развития социальной информации — это последовательная смена форм её существования. Начинается этот процесс с отражением сознания содержания социальной информации и протекает через формы его выражения (материально-предметная и семиотическая информация), через произведение и формы его существования в коммуникационных системах (в данном случае — произведение литературы) и далее — к формам существования его в национально-духовной культуре, а через них — к формам существования общечеловеческой культуры.

Возникнув в индивидуальном сознании автора и получив фиксированное выражение в семиотической системе «язык», произведение ещё не становится произведением литературы, музыки, изобразительного искусства как форм общественного сознания и социальных коммуникационных систем, хотя от авторского сознания оно уже отчуждено средствами семиотики. Его возможности межличностной, группо-

вой и массовой коммуникации пока ещё весьма ограничены пространственно-временными и количественными факторами. Именно средствами коммуникационных систем и формами общественного сознания актуализируется процесс обобществления произведений индивидуального творчества, т. е. происходит превращение авторского произведения в произведение общественного сознания.

История цивилизации (до сего дня) есть история письменности, книжности. Появление и энергичное внедрение новых средств информации и массовых коммуникаций изменило роль книги, однако в основе их по-прежнему лежит письмо, текст, «бумажная» информация. Многие специалисты справедливо рассматривают книгу как символ и катализатор всего исторического процесса, в том числе в нашей стране [17].

Книга предстаёт как уникальное, исторически сложившееся и универсальное средство фиксации, хранения и передачи во времени и в пространстве общественных культурных ценностей и установок. Причём выступает не только как носитель их и средство передачи, но главное — как генератор и трансформатор ценностей индивидуальных в общественные, национальные — в общечеловеческие уже на протяжении тысячелетий.

В чём же общественно-культурная значимость печатной книги? Каковы её место, роль и функции в системе общечеловеческой культуры?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует рассматривать книгу в следующих аспектах: как фактор культуры; как инструмент формирования культурных ценностей и установок; как средство распространения культуры во времени и в пространстве; как механизм воздействия на общество.

Книга — фактор культуры. Без книги немыслима жизнь современного человека, его образование, воспитание,

духовность, познание мира и себя. Но книга — ещё и духовность, и память, и опыт человечества, и знание, и действие, и многое другое, что необходимо человеку. В книге продолжают свою «вечную жизнь» народы, общества, века. Поэтому жизнь книги — это как бы вторичная жизнь человека. Благодаря связующей роли книги все поколения людей, общества, века обретают связь, образуют систему.

Вместе с тем книга — предмет материальной культуры. В этом значении она предельно доступна и проста. Проста в силу своей повседневности, подобно пище, воздуху, воде, которыми мы пользуемся, не замечая их уникальности. Но в действительности простота книги лишь кажущаяся: каждый элемент книги — кропотливый труд народов и веков, будь то знаковая система книги, или бумага, или иллюстрация, или структура книги и т. п. Каждый из них — одновременно компонент общечеловеческой материальной культуры. И, быть может, только поэтому культурные параметры и свойства книги не позволяют ей затеряться среди вещей-однодневок, ибо в книге переплетено множество культур: культура общества, культура науки, культура дизайна, культура производства — и ещё культура автора, культура издателя, культура читателя и т. д.

Книга — инструмент формирования культурных ценностей и установок общества. Она живёт в обществе и в поколениях благодаря проявлению своих функций, в процессе чего происходит формирование общественно-культурных ценностей. Функции книги в их константном состоянии — лишь параметры, свойства, характеристики формы и содержания книги, которые начинают свою «работу» только в процессе чтения, т. е. в процессе воздействия её на читателя и восприятия её, а затем — преобразования идей, знаний, убеждений автора книги в адекват-

ные или трансформированные для читателя, а через него — общества. Следовательно, основные культурные функции книги восходят к её содержанию и обусловлены им.

Изучение функций книги, в том числе культурно-формирующих, — одна из самых сложных проблем познания книги. В своём константном состоянии функции книги недоступны для изучения. Если же исследователь книги попытается смоделировать их работу на примере собственного чтения, то результаты наблюдения и анализа не обещают быть точным и объективным, ибо чтение всегда имеет установочный характер, причём осуществляется оно человеком с неким «экраном» в подсознании, на который наталкиваются и в результате гаснут многие функции любой книги. Ещё труднее наблюдать и фиксировать проявления функций книги в процессе чтения её другими людьми и совершенно невозможно проследить, а тем более обеспечить формирование тех или иных функций в новое мышление, поведение, действие, убеждение читателя. Поэтому все знания о функциях книги в обществе добываются опосредованным путём.

Отсюда в числе её функций называют лишь общие, предметно-установочные: воспитательную, образовательную, познавательную, информационную и т. д. Однако все они остаются таковыми лишь на уровне здравого смысла, хотя, несомненно, несут в общество общее представление о культурно-духовном, культурно-интеллектуальном, культурно-нравственном потенциале книги. Но при всём этом мы не располагаем ни истинным знанием о них, ни эффективным механизмом их формирования и регулирования. Пока такой механизм не разработан, функционирование книги в обществе будет оставаться непредсказуемым, а надежды автора, прогнозы издателя, рас-

чёты книготорговца и ожидания читателя — неопределёнными и неточными во многих случаях.

Сказанное — только один аспект проявления культурной миссии книги в обществе с учётом того, что книгу одновременно могут читать тысячи, сотни тысяч людей. Но книга функционирует в обществе не изолированно от других средств информации и коммуникации; напротив, часто параллельно, во взаимосвязи и взаимодействии, нередко дополняя друг друга, развивая, совершенствуя. Ведь книга, помимо оперативной трансляционной функции радио, телевидения, средств научно-технической информации и прессы, обладает уникальной ренессансной функцией, проявляющейся как в пространственном выражении (перевод или переложение на другие языки и, стало быть, трансформирование национальных ценностей в межнациональные), так и во времени (возрождение культурных ценностей прошлого и настоящего и, возможно, будущего).

Таким образом, с исполнением книгой своих информационных и коммуникативных функций в пространственном их выражении её жизнь не завершается. Становясь достоянием библиотек, в том числе домашних, она продолжает жизнь культурного памятника и может ещё долгие века восполнять культурное богатство человечества.

Любой книге необходимо найти своего читателя. В прямом смысле этого слова она должна преодолеть различные этапы и расстояния, чтобы попасть в руки читателя, а в переносном — попасть непременно к тому читателю, который её ждёт, которому она полезна, хотя для которого, быть может, не всегда предназначена.

В силу того что книга является не только носителем, но и генератором культурных ценностей, распространение её справедливо рассматривать как распространение культуры. Однако такое

понимание не тождественно понятию книги как средства распространения культуры. Второе значительно шире первого, ибо предполагает ещё и передачу культурных ценностей во времени и генерирование индивидуальных ценностей в общественные, а национальных — в общечеловеческие. А ещё надо иметь в виду целенаправленное использование книги как средства пропаганды приоритетных социально-политических и культурно-ценностных установок государства и общества. Следовательно, можно дифференцировать распространение книги как способ и технический процесс распространения предмета материальной культуры, связанный с пространственными факторами, и распространение книги как условие, процесс и фактор существования науки, культуры, образования, воспитания и пр.

С точки зрения распространения именно культуры (в широком смысле), все средства коммуникации можно подразделить на носители культуры и трансляторы — средства передачи культурных ценностей и установок общества. К первым относятся произведения изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, фотографии, предметы бытовой и промышленной эстетики и т. п.; ко вторым — газеты, журналы, радио, телевидение, средства массовой коммуникации (хотя некоторые их элементы являются носителями материальной культуры). Книга кардинально отличается от всех этих носителей и трансляторов культуры, потому что является тем и другим одновременно. Она служит генератором культурных ценностей, культурных процессов, культурной политики государства и культурных установок общества. Поэтому, соединяя в себе и фактор культуры, и инструмент формирования культуры, и средство её распространения, книга представляет собой универсум культуры, что предопределяет её

культурную работу в обществе на благо человечества.

Основные функции книги в идеале должны быть направлены на процессы общественного прогресса и развития культуры; на умножение и справедливое распределение духовных, культурных, нравственных, эстетических ценностей человечества между всеми членами общества; на приобщение богатств национальной культуры к общечеловеческим, а общечеловеческих — к национальным. И в этом отношении книга, как универсум культуры, всегда играла и продолжает играть первостепенную роль генератора, хранителя, носителя и транслятора во времени и в пространстве этих ценностей. Чтобы доказать это, не требуется много слов: вспомним, например, о роли «священных» книг в жизни адептов той или иной религии.

Но книга всё реже достигает в обществе своей высшей цели и далеко не полностью реализует многочисленные функции. Причины этого зачастую не столько в объективных (внешних) влияющих факторах, сколько в сугубо внутренних, связанных с созданием, изданием, оформлением и исполнением её как таковой. Все эти факторы, в их единстве, выступают как условие объективизации книги в процессе её функционирования, ибо от них зависит: отвечает или не отвечает она требованиям времени, запросам общества, потребностям читателя; соответствует или не соответствует своему назначению в обществе; насколько полно и эффективно осуществляет свои функции и т. п. Только выступая как единый в своей гармоничной целостности структурно-знаковой и функционально-содержательной систем организм, книга способна воздействовать на общество и общественные процессы, т. е. быть социально активной и эффективной.

Создание подобного механизма воздействия немислимо без чёткого, одно-

значного понимания природы и сущности книги, без точного знания о том, какие функции призвана она выполнять в обществе в отличие от других средств коммуникации. Без этого трудно говорить как об оптимизации модели книги, так и о совершенствовании её функций.

Поэтому перед исследователем прежде всего встают вопросы о природе, сущности и функциях книги, на основе которых возможно определение и понятия книги. При этом мы отступаем от обычных, ставших уже традиционными экскурсов к историко-социальным основаниям появления письменности, с одной стороны, и потребности человека в общении — с другой, выдвигаемых многими книговедами в качестве генетических корней книги, предпосылок её сущности и формирования функций. Для нас важно осмыслить природу, сущность и функции книги, наблюдая её сквозь призму культурных, духовных, эстетических и других подобных характеристик, которые были предметом внимания величайших мыслителей человечества.

Если для определения достоинств книги избираются качественные критерии (художественные, эстетические, научные и др.), то для её производства решающим фактором становится чисто экономический эффект. На эту особенность книги указывал ещё в 1880-е гг. русский экономист В.П. Безобразов: «Нет другого у нас товара, относительно которого понятия и вкусы производителей и вообще условия предложения до такой степени расходились бы с понятиями и вкусами потребителя и с условиями спроса» [18].

И здесь очень важна библиографическая составляющая книжной культуры.

Теоретические разработки библиографии как части культуры и средства культурного (художественного) развития личности представлены в работах

С. А. Трубникова, Ю. М. Тугова, Ю. С. Зубова, А. В. Соколова, М. И. Давыдовой, А. А. Гречихина и др.

В концентрированном виде библиография как подсистема культуры представлена в исследовании М. Г. Вохрышевой [19]. Она убедительно доказывает, что библиография — феномен культуры, её специфический слой, зеркало. Поэтому библиографические понятия сопрягаются с определёнными концептами культуры. Библиография в контексте культуры, т. е. в контексте соучастия в развитии культуры, выступает в качестве средства формирования, развития, сохранения и исследования культуры, культурных ценностей разных времён и поколений. Таким образом, библиография является и частью, подсистемой культуры, и одним из механизмов её существования. Она вписывается в сложившийся тип культурной жизни, который содержит предпосылки её существования. Культура, следовательно, создаёт необходимый фундамент и внешнюю среду для жизнедеятельности библиографии как социального института. Культурные ценности фактически играют роль внутреннего фактора развития библиографии, определяют её уровень, технологию, методологию, содержание. Перенос концептов культуры, идей, тем, проблем из сферы искусства, морали, философии в библиографию является источником формирования её содержательной структуры. Категориальный же аппарат культуры с успехом используется в библиографии и библиографоведении.

Библиография рассматривается М. Г. Вохрышевой как хранилище специфической субкультуры, связанной с человеческим знанием, как специфический элемент культуры, способ её трансляции от поколения к поколению с помощью системно организованного библиографического знания.

В то же время системы культурных ценностей включают в себя и ценности

библиографического порядка. М. Г. Вохрышева считает, что библиография самоценна как явление культуры, создавая специфический вид информации — библиографическую информацию, свою знаковую систему — библиографическую запись, своеобразный вид текстов — библиографический текст, особый вид произведения культуры — библиографическое пособие, своеобразный род занятий в сфере культуры — профессию библиографа, особый вид знаний — библиографическое знание.

Взаимосвязь культуры и библиографии становится очевидной при компонентном анализе структур деятельности в этих сферах, при сопоставлении их целей, субъекта, объекта, процессов, результатов. Именно через эти компоненты библиографическая практика включается в сферу культуры, и они образуют контекст культурно-исторических факторов детерминации библиографии — целевые, субъектные, объектные, процессные, методологические.

Термин «библиографическая культура» хорошо известен. Им обозначается феномен культуры, способный пробуждать потребности человека, призванный способствовать методами информации сохранению наследия, переосмыслению его с современных позиций, передачи его от поколения к поколению. В терминологических словарях под ним понимается показатель уровня распространённости библиографических знаний в обществе, обеспеченности потребностей средствами библиографии, умения находить, оценивать и использовать эту информацию. Но этим определением не исчерпывается всё многогранное содержание данного понятия. Библиографическая культура означает умения и навыки, необходимые для её самореализации, способность определить свои социокультурные предпочтения, моделировать научные знания.

Библиографическая культура потребителя определяется таким уровнем его специализированных знаний и умений, который позволяет максимально полно удовлетворить свои потребности в информации и овладеть способами её использования.

Библиографическая культура предполагает глубокие знания о документе (тексте), главном объекте библиографического отражения. Запас знаний, хранящихся в текстах и отражённых в библиографической памяти, превращается в духовные ценности личности с высоким уровнем библиографической культуры. В объём понятия «библиографическая культура» входят умения действовать в условиях избыточной информации, оценивать качественную сторону информации, отбирать из массы сведений достоверные (соотносить их с уже имеющейся информацией, критически переосмысливать, свёртывать и развёртывать), а также навыки психофизиологического восприятия информации, рациональные привычки, свойства личности для защиты от «информационного шума».

Библиографическая культура той или иной личности или социальной группы зависит от специфики основного вида деятельности, от объёма необходимых сведений, от того, в какой мере необходимо погружение в накопленный информационный массив, с какой глубиной и оперативностью нужна информация, какой форме её потребления отдаётся предпочтение. Эти задачи решают не только библиографическая культура, но и смежные виды культур: коммуникативная; лексическая (языковая, культура письма и оформления деловой документации); книжная и культура чтения; культура научного исследования и методологическая культура; культура использования современных информационных технологий; информационно-правовая; мировоззрен-

ческая культура и культура мышления; нравственная.

Все они тесно взаимосвязаны. Их взаимосвязь проанализирована в диссертационном исследовании Н.Б. Зиновьевой [20].

Библиографическая культура в значительной мере способствует развитию коммуникативной культуры: расширяет представление человека о документированных формах информации, обогащает его эрудицию, организует опосредованный диалог между автором и читателем, между двумя и несколькими авторами. В свою очередь, без развитой коммуникативной культуры библиографическая культура теряет свою необходимость, функциональное предназначение.

Аналогично строятся взаимоотношения с лексической культурой. Библиографическая культура оказывает сильнейшее воздействие на культуру письма, текстовую культуру своим стремлением бережно и с пониманием относиться к авторским текстам, их интерпретации, к цитированию, конспектированию. Лексическая же культура способствует совершенствованию библиографического языка, его выразительных средств, пониманию и использованию библиографических текстов.

Книжная культура (и библиофильство как её концентрированное выражение) немыслима без библиографической культуры. Выделение более ценных изданий, прослеживание их исторического пути, систематизация книжных собраний, поиск базируются на библиографических знаниях. В свою очередь, книжная культура показывает роль и место каждого издания, его историческую и социокультурную ценность, призывая увидеть его уникальность, а не просто единицу хранения, чем обогащает библиографическую культуру.

Неразрывно с библиографической культурой связана культура чтения, библиографическая культура расши-

ряет круг чтения, даёт первоначальные установки на восприятие, способствует усвоению и пониманию смысла прочитанного, помогает выбрать лучшие издания, соответствующие целям обращения к ним. Развитая культура чтения служит стимулом для развития библиографической культуры индивида, делая этот компонент функционально необходимым звеном в его жизнедеятельности.

Культура научного исследования базируется на предварительном и текущем ознакомлении с источниками информации. Этому способствуют знакомство с профилированным фрагментом информационно-библиографических ресурсов, умение использовать библиографические поисковые системы, извлекать информацию из документа с помощью комплекса вспомогательных библиографических средств.

Оформление результатов научных исследований приводит к необходимости использовать библиографические знания при организации ссылок, цитировании, оформлении списка источников. В свою очередь, интенсификация научных исследований, рост числа документов требуют от библиографических средств совершенствования методики, что значительно усложняет библиографическую культуру.

Культура использования современных информационных технологий строится в большей мере на здании, в фундамент которого заложены библиографические методы: шифрование, классифицирование, каталогизирование, выделение поисковых признаков и др. Таким образом, библиографические знания помогают более успешно организовывать информационные массивы и производить поиск, что влияет на уровень культуры использования современных информационных технологий. Внедрение компьютерной техники в библиографические процессы также видоизменяет характер работы

с документами, в связи с чем сегодня библиографическая культура включает и необходимый минимум знакомства с современными информационными технологиями.

Свою специфику имеют и связи библиографической культуры с информационно-правовой. Библиография способствует регулированию информационно-правовой деятельности с помощью пропаганды законодательных актов. Выполняя регистрационный учёт издаваемой полиграфической продукции, библиография способствует укреплению информационно-правовой культуры путём оповещения общественности об авторской принадлежности того или иного документа, охране авторских прав.

Особую значимость имеют связи библиографической культуры с мировоззренческой культурой, культурой мышления. Библиография моделирует документальные потоки, которые, в свою очередь, являются отражением процессов социального познания. Следовательно, в результате библиографическая деятельность в концентрированном виде отражает результат социального познания, чем способствует упрочению современного мировоззрения. Библиографический метод способствует развитию абстрактного и свёрнутого мышления, организует знания человека, поскольку библиографическая информация даёт опорные смысловые пункты для мышления, способствуя группировке информации, свёртыванию её в образ, соединению логических элементов мышления с образными и образowaniu связей нового с уже накопленным знанием. В свою очередь, вышеуказанные компоненты влияют на библиографическую культуру субъекта, поскольку библиографическая культура невозможна без культуры мышления, ибо, чтобы овладеть библиографическим языком, методами свёртывания информации, библиографического поиска,

необходимо развитое мышление. А мировоззренческая культура отражает активность человека в познании мира, в том числе и мира, отражённого в документах.

Внешние связи обогащают библиографическую культуру такими аспектами, сторонами, нюансами, которые выходят за пределы собственно библиографии, но непосредственно примыкают к ней и оказывают значительное влияние на всю книжную культуру.

Внутренняя структура библиографической культуры не менее сложна и включает в себя такие слагаемые, как культура создания библиографической информации; культура поиска (знание номенклатуры информационных библиографических услуг, умение использовать информационно-поисковые системы, владение алгоритмами оптимального индивидуального поиска); культура выбора библиографической информации (системный взгляд на информационно-библиографическую среду общества, умение анализировать информационную обстановку); культура переработки информации (аналитико-синтетическая деятельность); культура потребления библиографической информации; культура освоения и использования информации (публикационная активность, участие в научных мероприятиях, использование достижений науки и техники в практической деятельности); культура передачи информации (информационно-коммуникативная деятельность); культура распространения информации (знание информационных потребностей, знание методов и способов библиографического обеспечения).

Функциональная роль библиографической культуры очевидна: регулирование, системоорганизация, упорядочение информации о документах, вовлекаемых в информационное поле субъекта. Но овладение библиографической культурой не может осуществ-

ляться в готовом виде, путём простого сообщения и анализа, её нельзя «заготовить впрок» для будущей деятельности. Она может быть усвоена только в результате строго определённой деятельности, поскольку библиографические знания в отрыве от практики не усваиваются. Овладение библиографической культурой включает умение правильно «читать» библиографическое описание документа, правильное его истолковывать, учитывая все его элементы; умение вести поиск в различных информационных массивах; умение оперировать библиографической информацией без обращения к её источнику — документу, систематизировать её, организовывать личные архивы, картотеки, базы данных; умение самостоятельно производить библиографическую информацию; знание смысла основных библиографических терминов; знание основных источников библиографической информации и умение ими пользоваться.

В процессе использования библиографической информации потребитель усваивает сами способы библиографической деятельности. В частности, чтение библиографических описаний, аннотаций сопровождается усвоением правил библиографирования, методики аннотирования, организации выявленных источников. Мы рассматриваем библиографическую культуру с точки зрения наличия в ней компонентов, имеющих разное функциональное предназначение. Несомненно, в структуру библиографической культуры входят элементы коммуникативной культуры, культуры письма, культуры чтения, культуры научного исследования, умственной культуры, культуры современных информационных технологий, культуры мышления и т. д.

Попадая в общую структуру библиографической культуры, указанные компоненты начинают активно сотрудничать, устанавливая друг с другом

многочисленные связи. Взятые в отдельности компоненты библиографической культуры не дают того системного эффекта, который присутствует в их совокупности. Своим фактом присутствия библиографическая культура участвует в процессах мышления, поведения, деятельности субъекта, расширяя и углубляя его представление о мире.

Наряду с библиографическим поиском субъекту следует знать и другие библиографические, более сложные процедуры, обеспечивающие эффективность деятельности, в частности — уметь составить библиографические списки литературы в соответствии с поставленными задачами, анализировать информационно-поисковые возможности конкретного документа (издания), использовать латентную (скрытую) библиографическую информацию в этом издании и т. д. И только после этого возможно формирование более сложных модификаций библиографической культуры, выходящих на анализ библиографических потоков и процессов, происходящих в них.

Таким образом, понятие «библиографическая культура» опирается на общее понятие «культура», которая понимается как развивающаяся система материальных и духовных ценностей, процесс человеческого творчества и трансляция накопленного опыта, регулятор социального взаимодействия, интегратор интеллектуальных человеческих усилий. Библиография является частью культуры и одновременно одним из механизмов её существования. Культурные ценности играют роль внутреннего фактора развития библиографии, определяют её уровень, технологию, методологию, содержание.

Библиографическая культура выступает как феномен культуры, способный пробуждать и развивать потребности в информации у субъекта, обеспечивать их средствами библио-

графии, т. е. находить нужные источники, оценивать, отбирать из массы достоверные, критически переосмысливать содержащуюся в них информацию, свёртывать и развёртывать, использовать в различных жизненных ситуациях.

Библиографическая культура выполняет указанные функции не самостоятельно, а в комплексе смежных с ней видов культур: коммуникативной, лексической, книжной, культуры чтения, научного исследования, методологической, информационно-правовой, мировоззренческой, нравственной, культуры мышления и культуры использования современных информационных технологий. Эти внешние связи обогащают библиографическую культуру такими аспектами, сторонами, нюансами, которые не только выходят за пределы собственно библиографии, но и оказывают значительное влияние на становление и развитие культурного и интеллектуального потенциала личности читателя.

Внутренняя структура библиографической культуры включает следующие компоненты: культуру создания библиографической информации, культуру поиска, культуру выбора библиографической информации, культуру переработки, потребления и использования библиографической информации. Вышесказанное приводит к выводу, что библиографирование есть созидательная духовная деятельность, а не услуга по предоставлению ранее созданного знания, т. е. в библиографической культуре превалирует гуманистическая, а не информационно-технологическая составляющая.

Внедрение новых информационных технологий значительно повлияло на все сферы, так или иначе связанные со сбором, накоплением, переработкой и хранением знаний в обществе. Оно обусловило ряд тенденций, влияющих на труд исследователя, на его методологическую и библиографическую

культуру. В результате внедрения информационных технологий ускорился процесс движения информации по каналам коммуникаций. В силу этого многие научно-технические знания стали радикально устаревать быстрее, чем их можно получить. Информационные технологии ориентированы на мировой опыт, и в этом плане они интернациональны; такая глобальная связанность представляет дополнительные возможности обращения к мировым ресурсам. В то же время свойственная новым информационным технологиям интеллектуальная свобода, отсутствие каких-либо запретов, цензуры даёт возможность «сбрасывать» в общее пользование большой объём информации низкого качества, непроверенной, тенденциозной, рекламной. Это требует от пользователя усилий, направленных, во-первых, на поиск нужной информации, во-вторых — на её селекцию, качественный отбор.

Указанные тенденции в большей степени актуализируют личностный фактор, требуют формирования таких качеств, как системное творческое мышление, информационная культура и коммуникативная компетентность, способность к осознанному анализу своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределённости.

Уровень библиографической культуры прямо влияет на эффективность библиографического мышления, которое подробно рассматривал А.А. Гречихин [21], характеризуя десять методов индивидуального поиска.

1. Быстрое отождествление объекта поиска, т. е. искомого документа, факта или определённой совокупности. В большей мере это обусловлено физическим, чувственным восприятием, скажем, книги, когда эффективность такой чувственной интуиции во многом зависит от творческих способностей библиографа, его наблюдательности, остроты

восприятия, памяти, сообразительности, опыта и информативности.

2. Ясное понимание значения искомого документа. Здесь речь идёт о возможностях интуитивного выделения нужного издания путём неосознанного сопоставления с другими изданиями на основе различий в стиле или жанре изложения, иллюстраций, справочного аппарата и так далее, которое как бы «выуживает» что-то из нашей памяти, стимулирует наше воображение.

3. Интуитивная способность интерпретации как разновидность чувственного восприятия. Позволяет в процессе поиска за условными знаками, формальными характеристиками литературных источников видеть столь же условные и неясные, но реальные, содержательные взаимосвязи этих источников.

4. Способность представления, или геометрическая интуиция, — когда некоторый абстрактный образ документа, например, созданный методами чувственной интуиции, конкретизируется до наглядного изображения модели.

5. Способность образования метафор как интуитивный метод. В качестве наглядного образа для искомого литературного источника используется метафорическая иллюстрация, т. е. частичное сходство или различие документов. Такая интуиция связана также со способностью вызывать чувственные впечатления, наглядные образы о прочитанных книгах, фактах, идеях, причём чаще всего через воспроизведение какой-то части, структуры, фрагмента.

6. Метод творческого воображения. В науке он определяет процесс формирования гипотезы, часто выступающей в виде какого-то зрительного образа, особенно после деятельностного процесса поисков или попыток решения какой-то задачи.

7. Ускоренное умозаключение. Здесь намечается переход от интуиции воображения к интуиции, близкой к выводному знанию, т. е. знанию, полученно-

му на основе логической переработки данных литературы, без непосредственного обращения к эксперименту и практике. Такие виды интуитивных методов называют также интеллектуальной интуицией.

8. Интуитивное интегрирование. Оно отличается от ускоренного умозаключения и примечательно ещё большим умозаключением масштаба целостности, единства выделенных из общего масштаба искомых документов или фактов, сочетанием ранее разрозненных сведений в единое «гармоничное» целое, систему. Причём здесь важно не только организовать искомую систему в общем масштабе изданий, но и определить относительное значение каждого документа или факта в этой системе.

9. Интуиция, опирающаяся на здравый смысл, позволяет подходить к процессу информационного поиска с определёнными представлениями, с оценками, уже сложившимися знаниями по тому или иному вопросу, теме поиска. Но такой опыт ведёт к тому, что мы отдаём предпочтение литературным источникам, соответствующим уровню наших знаний. Это обусловлено тем, что степень интуитивности любого понятия относится к определённому уровню знания. Поэтому можно позволить такой интуиции играть её эвристическую роль, но нельзя позволять ей приуменьшать трудности обогащения, развития литературы.

10. Фроне́зис, или практическая мудрость, определяет умение быстро и правильно оценивать и тем самым находить те документы или факты, которые в большей мере отвечают задаче данного поиска.

Творческий поиск способствует прогрессивному развитию деятельности по всем её направлениям. Деятельность в целом совершенствуется и путём отработки отдельных операций, предполагающих достижение конечного резуль-

тата с минимальной затратой средств и времени. В итоге у исследователя (в том числе у исследователя самой книжной культуры) формируется библиографическое знание, т. е. искомый конечный результат деятельности в сфере науки и культуры.

При этом если понимать под культурой «интеллектуальный аспект искусственной среды, которую человек создает в ходе своей социальной жизни», и исходить из того, что культура «мозаична», поскольку знания человека «формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации», то легко согласиться с выводом о появлении третьего типа культуры: экранной (начальной следует считать культуру непосредственного общения; последующей — книжную) [22]. Экранная культура предстаёт как новая историко-культурная целостность, продолжающая и развивающая широчайшие возможности книжной культуры. Она несёт человечеству новый тип общения, основанный на возможности свободного выхода личности в информационный космос, новый тип мышления и образования (сращивание логического и образного мышления), новые формы труда. Если традиционная письменная культура строилась на повествовании, то экранная — на диалоге, переходящем в полилог. Она предстаёт как бы предтечей чего-то иного — «культуры трансформации». По образному выражению итальянского писателя и философа Умберто Эко, с появлением электронных носителей (в том числе и для книжных изданий) и охватывающих мир информационных сетей возникает «новая реальность». Но, по его мнению, нам не следует опасаться «гибели» книги. «Не надо противопоставлять вербальную и визуальную коммуникацию (у них разные задачи). Надо совершенствовать и ту и другую» [23]. А для этого по-прежнему незаменима культура во-

обще, а книжная и библиографическая — в частности и в особенности.

Закончить статью хотелось бы на оптимистической ноте. Только что вышел из печати российско-белорусский сборник, в названии которого дважды фигурирует понятие «книжная культура» [24]. Первый раздел этой книги посвящён памяти Б. В. Ленского (1929–2021), а второй — двадцатилетию Научного центра исследований истории книжной культуры. Остальные три раздела отведены истории и современным проблемам книжной культуры, а также публикациям начинающих исследователей.

В связи с этим попутно отсылаем читателей нашего журнала к публикуемой в данном номере полемической статье В. К. Солоненко, сотрудника вышеназванного Научного центра. Этот автор тем не менее не согласен с термином «книжная культура» и предлагает вместо него «культуру книги». Мы, однако, уже не раз отмечали, что в такой быстроизменяемой и разноаспектной сфере деятельности, как книжное дело, практически невозможно доказательство какой-либо терминологической правоты или неправоты; в качестве примера приведём пресловутые «документ» и «ресурс». Поэтому споры о точности термина сами по себе не так уж актуальны, если разными словами обозначают одно и то же явление, хорошо известное и понятное как теоретикам, так и практикам. Как принято говорить вслед за великим драматургом, «роза пахнет розой», и неважно, каким словом она при этом называется, — если от разницы терминов не страдает практика реальной деятельности.

Библиографический список основных изданий Научного центра за 20 лет его существования насчитывает более 150 названий книг и публикаций, целиком или в основном связанных именно с книжной культурой в различных её

аспектах и преломлениях. Добавим к этому библиографическое сопровождение каждой из 30 с лишним публикаций в сборнике: в общем счёте это более 400 ссылок или/и отсылок к различным печатным и электронным источникам, три четверти которых также относятся к нашей теме. Казалось бы, только эти цифры, взятые всего лишь из одного сборника, должны внушать уверенность — если не в успехе дальнейшего продвижения традиционной отечественной книжной культуры (вширь и вглубь), то хотя бы в наличии предпосылок для этого и каких-либо перспектив. Однако опубликованная в сборнике «Грани книжной культуры» статья А. В. Соколова, одного из самых ярких энтузиастов и поборников нашей книжной культуры, под названием «Жизненные циклы книжных культур» [24, с. 108–113] резко снижает уровень оптимизма. Маститый книговед совершенно справедливо отмечает, что «книжная культура, как и всякое явление культуры, существует не вечно, а в течение определённого периода времени, длительность которого зависит от потребностей человеческого общества» (с. 109). Поэтому история книжной культуры, по его мнению, тождественна жизненному циклу, складывающемуся из стадий зарождения, расцвета и вырождения. Нынешний этап — этап упадка, который проявляется в виде кризиса книжного чтения, деформации книжного рынка, ликвидации рекомендательной библиографии, свёртывания библиотечного дела, тотальной цифровизации всех типов коммуникации — иными словами, повсеместного вытеснения «бумажной культуры». Мы бы добавили к этому перечню ещё и «оптимизацию» органа управления национальным книгоизданием и отчасти книготорговлей, которая выразилась в постепенном понижении статуса этого учреждения: сперва Министерство по делам печати, затем Комитет, а по-

том Федеральное агентство, которое теперь «растворилось» в Минцифры и Минкультуры, не оставив самостоятельного «наследника».

А. В. Соколов указывает, что пренебрежение книжной культурой явно продемонстрировано в таком основополагающем государственном документе, как «Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года» (принят Правительством 13 марта 2021 г.). В этой «Стратегии...» подчёркивается важность цифровизации (включая Национальную электронную библиотеку и несколько сотен «модельных библиотек»), но ничего не говорится о потенциале книжной культуры для гуманизации и интеллектуально-нравственного воспитания нашего общества. А без этого баланса материального и духовного, технологического и нравственного невозможно обеспечить национальную безопасность страны и идентичность (своеобразие) самой нации. Автор делает такой вывод-пожелание: «...желательно, чтобы стратегический выбор российской культуры был нацелен на перерождение книжной культуры в гуманистическую книжную культуру, ассоциирующую культурное наследие классического библиологоса и прогрессивные информационные технологии» (с. 113).

Считаем, что книжную культуру, как и любое другое явление, нельзя оценивать однозначно и исключительно положительно для судеб человечества. Ведь она была, есть и будет связана с распространением не только знаний, но и идеологий, и это неизбежно ведёт к частичному или полному порабощению сознания, о чём говорит М. Маклюэн в своей знаменитой «Галактике Гутенберга»: традиционная книжная (т. е. алфавитно-текстовая) культура создаёт предпосылки для массового тиражирования информации, формирует «империю слова», а импе-

рия и есть тоталитаризм [25]. Здесь, конечно, можно спорить и о трактовке понятия «империя», и о том, насколько неразрывно связан с ней «тоталитаризм» (полный контроль государства или/и диктатора над всеми сферами жизни общества, в том числе идеологической), и о роли книги в этой системе. Ведь книжная культура может не только распространять господствующую идеологию, но и противостоять ей. Именно печатные, а теперь и электронные книги, журналы, газеты позволяют оппозиции (и политической, и научной) выражать свои мнения и точки зрения, отличные от официальных. Что касается сознания, то именно эта способность человека всегда зависима от его субъективных желаний и возможностей отражать реальность в умственных и чувственных образах под воздействием информации (в том числе книжной, в частности печатной). Поэтому сознание человека всегда «порабощено» реальной действительностью или/и информацией о ней. Конечно, по законам диалектики, и сама действительность, и информация тоже «порабощены» сознанием — во многом от него зависят и являются его производными, поскольку сознание предвосхищает практические действия человека и придаёт им целенаправленный характер. Идеологически окрашенная информация в современных условиях является мощным оружием, а потому и книжная культура превратилась в поле идейных битв уже на уровне государств и их блоков.

Только время покажет, насколько точен и прав в своих оценках и прогнозах А. В. Соколов — объективный специалист, всегда опирающийся на объективные факты, — ведь нельзя забывать и о субъективных факторах. К их числу мы отнесём как внешние воздействия на российское книжное дело и культуру, так и внутренние, пока не в полной мере задействованные рычаги влия-

ния на них со стороны власть имущих. Наглядным примером негативных внешних воздействий могут служить нынешние экономические и технологические санкции Запада, а противодействия им — программы и проекты поддержки различных отраслей, сфер деятельности или/и секторов нашей экономики и культуры. Что касается книжного дела и книжной культуры, то сегодняшняя резко усложнившаяся ситуация в этой сфере как никогда требует юридического определения для признания социального статуса этих важнейших компонентов национальной культуры и науки, образования и воспитания. О федеральном законе «О книге и книжном деле» (наподобие давно принятого закона о средствах массовой информации), похоже, уже не стоит и мечтать. Но ничто не мешает включить соответствующий раздел в разрабатываемый уже долгие годы, но так до сих пор и не принятый в Государственной Думе федеральный закон о культуре. В нём можно было бы намного чётче и яснее определить приоритеты долговременной государственной политики в сфере книжной культуры, дать юридически корректные определения социально значимой книги, прав и обязанностей её издателей и распространителей (в том числе ассортиментного минимума в книжном магазине, позволяющего относить это торговое предприятие к учреждениям культуры), целей и задач научных книговедческих исследований.

Самое главное для рыночной экономики — это стимулирование спроса и предложения, и именно здесь у книжного дела имеется определённая специфика. И в дореволюционные, и в советские годы книга считалась источником знания, а не информации. В качестве информационного канала у неё практически никогда не было шансов на успех в конкуренции с журналами и газетами, затем радио и телевидением, а те-

перь и с коммуникационными сетями (подразумевается в первую очередь Интернет). Но отсутствие государственной идеологии, смена парадигмы школьного и вузовского образования (с переходом на «западные» стандарты), практически полное исчезновение государственных и некоммерческих издателей всё более явно превращают российскую книгу в самый обычный товар, причём и не первой необходимости. Без продуманной и адресной государственной поддержки у социально значимой (а точнее — приоритетной для развития страны и общества) книги сейчас почти нет шансов на успех даже в борьбе с книгой из сегмента масс-маркета, нацеленной по преимуществу на развлекательное чтение.

Авторам, издателям и распространителям научной, научно-популярной, словарно-справочной, производственно-технической книги всегда нужны определённые экономические стимулы и гарантии сбыта хотя бы части её тиража. Сегодня в условиях резкого роста затрат на материалы и полиграфические процессы мы видим и резкий рост цен на книги. Это угрожает не только развитию, но и самому существованию книжной культуры, а внутри неё — сохранению важного и главного компонента — книжной памяти нации о её достижениях в науке и искусстве, образовании и культуре, как и в промышленном производстве и экономике. Впрочем, мы уже переживали куда более тяжёлые времена разрухи после Октябрьской революции, Гражданской войны, Великой Отечественной. Всякого рода блокады и «железные занавесы» не смогли помешать восстановлению и росту отечественного книжного дела, как и росту достижений книжной культуры. Провозглашённое ныне в России всемерное импортозамещение может и должно коснуться не только сферы технологий (т. е. полиграфии),

но и всей книжной культуры, как материальной, так и духовной. Будем надеяться, что в итоге она не только сохранит всё лучшее из ранее накопленного, но и получит возможность для актуальных и полезных изменений.

А. В. Соколов безусловно прав в утверждении, что книжная культура существует и может существовать лишь в течение какого-либо периода времени, длительность которого зависит от потребностей общества. Но сами эти

потребности возникают и исчезают не сами по себе, а под воздействием самых разных факторов, в том числе модели социального развития, а также уровня развития науки и техники, внешней и внутренней политики и экономики. Регулирующая и направляющая ход событий роль любого государства в области книжной культуры очень важна — и вдвойне важна она сегодня для такой мировой книжной державы, как Россия.

Список источников

1. Швецова-Водка Г. Н. Книга и документ: соотношение понятий // Книга: исследования и материалы. 1994. Сб. 68. С. 19–37; Швецова-Водка Г. Н. Функциональная сущность и свойства книги // Книга: исследования и материалы. 1995. Сб. 71. С. 68–96.
2. Васильев В. И. Книжная культура в отечественной истории: теоретические и историко-книговедческие аспекты (XVIII — начало XXI в.): дис. в виде науч. доклада ... д-ра ист. наук. М., 2005.
3. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980. С. 56.
4. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 9.
5. Добровольский В. В. О сущности национальной книжной культуры: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. Электрон. дан. М., 2003. Режим доступа: <http://libconfs.narod.ru/2003/s8/dobrovolskiy1.htm>.
6. Васильев В. И. К постановке вопроса об определении понятия «книжная культура» // Научная книга. 2002. № 3/4. С. 14–20 ; Васильев В. И. Исследования по истории книжной культуры как комплексная многоаспектная задача // Проблемы современной книжной культуры. М., 2003. С. 5–9 ; Васильев В. И. История книжной культуры как научное направление // Книга: исследования и материалы. 2004. Сб. 82. С. 9–14.
7. Гульчинский В. И. Книжная культура и ее источники // Шестая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения : тезисы докладов. М., 1998. С. 12.
8. Швецова-Водка Г. Н. Книга и документ: соотношение понятий // Книга: исследования и материалы. 1994. Сб. 68. С. 36.
9. Гречихин А. А. Социология и психология чтения : учеб. пособие для вузов. М., 2007. С. 69.
10. Издания. Основные виды. Термины и определения : ГОСТ 7.60–2020 // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 30–65.
11. Зильберман Д. Б., Межуев В. М. Культура // Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 594–595.
12. Степин В. С. Культура // Вопр. философии. 1999. № 8. С. 61.
13. Немировский Е. Л. Книжное дело // Книга : энциклопедия. М., 1999. С. 326.
14. Беловицкая А. А. Методология книговедения и ее фундаментальные задачи // Книга и мировая цивилизация : материалы XI Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. М., 2004. Т. 1. С. 15–19.
15. Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методологические аспекты. М., 2004. С. 87.
16. Каган М. С. Философия культуры / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб. : Петрополис, 1996. 414 с.
17. Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества : сб. избр. книговед. работ. М., 1972. С. 44–45 ; Баренбаум И. Е. Книга и исторический процесс // Книга: исследования и материалы. 1989. Сб. 59. С. 29 ; Чер-

няк А.Я. История книги как наука // Книга: исследования и материалы. 1989. Сб. 59. С. 47.

18. Безобразов В.П. Народное хозяйство России. СПб., 1882. Ч. 1. С. 217 (2-я паг.).

19. Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры / Самар. гос. ин-т искусств и культуры. Самара, 1993. 125 с.

20. Зиновьева Н.Б. Библиография в структуре информационной культуры: теоретико-методологическое исследование : автореф. дис. ...

д-ра пед. наук. Краснодар, 1998. 34 с.

21. Гречихин А.А. Библиографическая эвристика: история, теория и методика информационного поиска : конспект лекций / Моск. полигр. ин-т. М. : МПИ, 1984. 48 с.

22. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. Б.В. Бирюкова. 2-е изд. М. : КомКнига, 2005. 416 с.

23. Эко У. От Интернета к Гутенбергу // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. С. 277.

24. Грани книжной культуры : к 20-летию создания Научного центра исследований истории книжной культуры — Научного и издательского центра «Наука» РАН. М. : ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН ; Минск : Центр. науч. б-ка НАН Беларуси, 2021. 244 с.

25. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-Центр, 2003. 432 с. (Сдвиг парадигмы).

Статья поступила в редакцию 8.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 8.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Вышли в свет

Материалы научных конференций

Всероссийская научно-методическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений по теме «Опыт дистанционного образования и перспективы расширения образовательных технологий в вузах» (25 ; 2021 ; Москва). XXV Всероссийская научно-методическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений по теме «Опыт дистанционного образования и перспективы расширения образовательных технологий в вузах» : сборник материалов / под общей редакцией Евстафьева В.А. — Москва : Клуб печат-

ти, 2021 (Москва : Клуб печати). — 288 с. : ил. — На обл. в надзаг.: Ассоциация коммуникационных агентств России. — Рез. ст. англ. — Библиогр. в конце ст. — 100 экз.

Лупповские чтения (5 ; 2020 ; Санкт-Петербург). Пятые Лупповские чтения, Санкт-Петербург, 12 ноября 2020 г. : доклады и сообщения. — Санкт-Петербург : БАН, 2021 (Санкт-Петербург : ОПП Библиотеки Российской АН). — 111, [2] с. : ил., факс. — В надзаг.: Библиотека Российской академии наук. — Часть текста англ., рез. докл. англ. — Библиогр. в примеч. в конце докл. — Указ. имен к вып. 1–5: с. 93–112. — 300 экз.

Научный совет по книжной культуре, книгоизданию и библиотекам МААН: 15 лет работы в интересах межака-

демического сотрудничества в сфере научного книгоиздания и науки о книге : материалы расширенного заседания Бюро Научного совета по книжной культуре, книгоизданию и библиотекам МААН, Москва, 24 ноября 2021 г. / составители: Августь Л.А. (Беларусь), Вдовина Н.В. (Россия), Моздаков А.Ю. (Россия). — Москва : Наука; Минск : Центральная научная библиотека, 2021 (Москва : Типография «Наука»). — 42 с. — На авантит.: Международная ассоциация академий наук, Научный совет по книжной культуре, книгоизданию и библиотекам, Национальная академия наук Беларуси, Центральная научная библиотека имени Я. Коласа. — Издания под грифом Науч. совета по кн. культуре, книгоизданию и б-кам: с. 20–25 (33 назв.). — 350 экз.